

К ПРОБЛЕМАТИКЕ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Э. ГАЛНАЙТИТЕ

Как в русском, так и в литовском языке глагол обладает очень сложной семантической структурой, которая „более емка и гибка“¹, чем семантика других частей речи. Не случайно поэтому в языкознании издавна делаются попытки так или иначе разбивать глагольную лексику на разряды с учетом семантики, характера протекания действия, словообразовательных и других признаков, характерных для глагола. Однако, несмотря на многочисленную литературу, посвященную исследованию глагола (особенно русского языка), отдельные стороны его семантики до сих пор остаются недостаточно изученными; по-разному понимаются и интерпретируются те или иные семантические разряды глагола (особенно в литовском языкознании).

В связи с этим в данной статье дается краткий обзор литературы, посвященной различным классификациям глагола на разряды, показывается несходство этих разрядов и взаимосвязь, а также делается попытка определить круг явлений, относимых к способам глагольного действия в русском и литовском языках.

1. Основные семантические разряды глагола и их взаимосвязь

Среди различных разрядов глагола, выделяемых в целом на семантической основе, прежде всего следует указать двучленные (бинарные) разряды оппозиционного характера, которые в настоящее время нередко рассматриваются как лексико-грамматические и имеют аналогию в других частях речи (ср. деление имен существительных на исчисляемые и неисчисляемые и т.п.). Это — переходные и непереходные (транзитивные/интранзитивные) глаголы, выделяемые в обоих языках на основе семантики и отношения действия к объекту, т.е. с учетом сочетаемости или несочетаемости глагола с винительным падежом. Это — глаголы развития, т.е. действия и становления (ср. *читать* — *skaityti*, *нести* — *nešti* и состояния² (ср. *спать* — *miegoti*) или активные и неактивные³ глаголы, основанием деления которых

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. — М., 1972, с. 339.

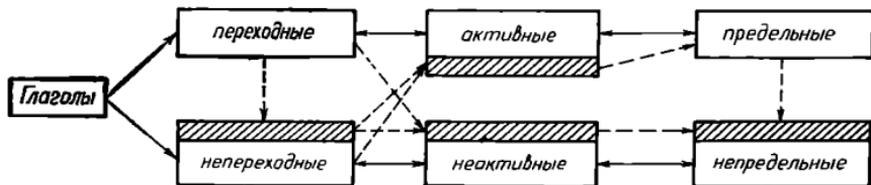
² Грубер Дж. Видовые значения. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 68—69.

³ Авиллова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., 1976, с. 16—18; Paulauskienė A. Dabartinės lietuvių kalbos veiksmazodis. — V., 1971, p. 3—4. В „Морфоло-

служит активность, динамичность действия, с одной стороны, и статичность, процессуальность действия, с другой. И, наконец, предельные и не-предельные глаголы⁴ или терминативные и нетерминативные⁵. Предельными называются те глаголы, которые выражают действие, направленное на достижение внутреннего предела, какой-то цели, результата (ср.: *читать* – *skaityti*, *вырастить* – *išauginti*, *выращивать* – *auginti*). Непредельные глаголы этим признаком не характеризуются: они означают действие, не связанное с идеей предела, ограничения (ср.: *ходить* – *vaikščioti*, *иметь* – *turėti*, *стоять* – *stovėti*). Следовательно, эти разряды глаголов выделяются на основе направленности/ненаправленности действия к пределу.

Несмотря на то, что указанные лексико-грамматические разряды выделяются с учетом разных сторон семантики глагола, все они в большей или меньшей степени отражают и характер протекания действия. Кроме того, во многих случаях граница деления проходит внутри многозначного глагола (ср.: *он читает книгу* – *jis skaito knygą* и *ребенок уже читает* – *vaikas jau paskaito*). Таким образом, каждый глагол (в целом или в отдельных значениях) обычно обладает тремя признаками, представляющими собой один из членов указанных оппозиций. Если глагол переходный, то он чаще всего является предельным глаголом активного действия (ср.: *спрoutь* – *statyti*, *вылить* – *išlieti*); если глагол непереходный, то чаще всего он является не-предельным глаголом состояния, т.е. неактивного действия (ср.: *сидеть* – *sėdėti*, *висеть* – *kaboti*), реже – предельным или не-предельным глаголом активного действия (ср.: *идти* – *eiti*, но *мякать* – *kniaukti*). Эта закономерность нарушается, когда глагол в отдельных значениях употребляется как непереходный (ср. *ребенок уже читает* – глагол активного действия, но не-предельный; *карандаш хорошо пишет* – глагол неактивного действия, не-предельный).

Взаимосвязь упомянутых особенностей семантики глагола как русского, так и литовского языка графически можно изобразить следующим образом (линией обозначается наиболее характерная связь; пунктир и заштрихованная часть – случаи переходного характера):

гин литовского языка" активные глаголы называются глаголами конкретного действия, см. Jakaitienė E., Laigonaitė A., Paulauskienė A. Lietuvių kalbos morfologija. – V., 1976, p. 106 (далее – Morfologija).

⁴ Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках). – В кн.: Славянская филология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964, с. 90–91; его же. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. – В кн.: Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965, с. 73; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. – Л., 1967, с. 28–29.

⁵ Lietuvių kalbos gramatika. – V., 1971, т. 2, p. 12–18.

Кроме бинарных разрядов, представляющих собой наиболее общие группировки глаголов, в обоих языках выделяются семантические разряды особого типа – способы действия (СД). Так как деление глаголов на отдельные СД связано с более конкретными значениями глагола, отражающими именно способ осуществления действия, они представляют собой многочленную классификацию глаголов. СД – это семантические и отчасти словообразовательные разряды глаголов, объединенные по общности характера протекания действия, напр., инхоативный (*вянуть* – *vysti* и т.п.), стальнойный (*лежать* – *gulėti* и т.п.), одноактный (*махнуть* – *mostelėti* и т.п.), многоактный (*махать* – *moti* и т.п.), начинательный (*занять* – *uždaiuoti* и т.п.) и другие СД. Они тоже рассматриваются как лексико-грамматические разряды глаголов и обычно сравниваются с разрядами имен существительных (ср. собирательные, вещественные и др.). Следовательно, СД, как и другие лексико-грамматические разряды, выделяются в рамках семантических различий между глаголами.

Несколько в стороне от упомянутых лексико-грамматических разрядов находятся так называемые лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов, которые выделяются при изучении способов действия, словообразовательных типов глагола и т.п. ЛСГ – это тематическая группа глаголов понятийного характера (ср. глаголы речи, звучания, конкретного действия, движения и т.п.), в которую входят глаголы различных СД. Напр., несмотря на то, что глаголы типа *блеять* – *bliauti*, *шуреть* – *šnypti*, *ахнуть* – *aiktelėti* отличаются друг от друга не только лексическим значением, но и способом протекания действия, все они относятся к одной ЛСГ глаголов звучания, так как основным значением их является „издавать или производить звук“. Или, наоборот, в отдельные СД входят глаголы разных ЛСГ в зависимости от характера протекания действия. Напр., глаголы звучания *стучать* – *belsti*; *лягать* – *loti*, как и глаголы конкретного действия *бодать* – *badyti*, *махать* – *moti*, *бить* – *mušti* по способу осуществления действия можно отнести к многоактному СД; другие глаголы упомянутых ЛСГ, как *стукнуть* – *bilstelėti*, *махнуть* – *mostelėti*, – к одноактному СД, а типа *бивать* – *mušinėti* – к итеративному СД.

Следовательно, сложность семантической структуры глагола предопределяет выделение различных группировок глагола, относящихся к разным уровням языковой абстракции, но тем не менее находящихся в определенной связи. Так, глаголы того или иного способа действия (а также ЛСГ) характеризуются еще переходностью/непереходностью, предельностью/непредельностью и активностью/статичностью действия. Кроме того, указанные разряды глагола взаимосвязаны с соответствующими грамматическими категориями классификационного характера – видом и залогом. Категория залога в обоих языках связана с переходностью/непереходностью и активностью/статичностью (неактивностью) действия. Наиболее семантическими и зависящими друг от друга являются группировки предельных/непредельных глаголов и СД. Эти лексико-грамматические разряды непосредственно соприкасаются с категорией вида и поэтому представляют собой наибольший интерес.

Однако в аспектологической литературе последних лет упомянутые взаимосвязанные разряды понимаются по-разному и поэтому нередко изучаются в одной плоскости.

2. Понимание и критерии выделения способов глагольного действия

В славянской аспектологии в настоящее время изучению СД и их взаимодействия с категорией вида уделяется особое внимание.

Однако исследователи выделяют неодинаковое количество СД как в одних и тех же, так и в разных славянских языках, что прежде всего объясняется отсутствием единого понимания СД и критериев их выделения. Напр., в грамматике русского языка⁶ имеется 23 СД; Н. С. Авилова⁷ выделяет 19 СД; М. А. Шелякин⁸ — 39 СД только у приставочных глаголов; К. Иванова⁹ в болгарском языке описывает 53 СД и т.п. Видимо, следовало бы согласиться с мнением Э. Кошмидера, что СД можно выделить очень много¹⁰, но вряд ли количество их „в принципе безгранично“¹¹.

СД литовского глагола до сих пор специально не изучались. Наиболее яркие группы глаголов по типу протекания действия и словообразовательным значениям приставок или суффиксов были выделены еще Й. Яблонским в его грамматике литовского языка¹² и рассматривались как разновидности (подвиды) несовершенного (ср. некротные и кратные глаголы) или совершенного вида (подвиды мгновенного, начинательного, окончательного и уменьшительного действия). Эти разряды глаголов были положены в основу изучения СД в академической грамматике литовского языка, а также в работах А. Паулаускене¹⁴. Однако система СД, намеченная Й. Яблонским, в принципе не изменилась: к указанным группам глаголов без всякого основания стали относить предельные и непредельные глаголы, т.е. лексико-грамматические разряды другого типа.

СД (Aktionsart) как семантические группировки глаголов впервые были выделены С. Агреллем в польском языке (1908 г.). Отграничивая категорию вида от СД, автор подчеркивал, что к последним он относит те „семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприста-

⁶ Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970, с. 347—350 (далее — Грамматика-70).

⁷ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 272 и далее.

⁸ Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). Автореф. докт. дис. — Л., 1972 (далее — АДД).

⁹ Иванова К. Начини на глаголно действие в съвременния български език. — София, 1974. — РЖ, 1976, сер. 6, № 2, с. 209—213.

¹⁰ Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. — В кн.: Вопросы глагольного вида, с. 108.

¹¹ Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида, с. 10.

¹² Jablonskis J. Rinkiniai raštai. — V., 1957, т. 1, р. 292—293. В уточнении нуждается устаревшая терминология, характерная и для русской грамматики того времени.

¹³ Lietuvių kalbos gramatika, т. 2, р. 11—25.

¹⁴ Paulauskienė A. Dabartinės lietuvių kalbos veiksmoždis, р. 23—32; Morfologija, р. 131—136.

вочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления¹⁶.

Мысль С. Агрелля о семантическом характере СД легла в основу понимания и изучения их в разных языках¹⁶. Исследуя СД, лингвисты одновременно решали и другую проблему – взаимодействия их с категорией вида (ср. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, Н. С. Авлиловой и др.). Если один вопрос этой сложной проблемы, говоря словами А. Мазона, „ныне уже решен: вид не должен более отождествляться с разновидностями глагольного действия (Aktionsarten)¹⁷, то вопрос о сущности СД, об обязательности (или необязательности) их морфемного выражения дискутируется до сих пор.

Большинство советских лингвистов, продолжая традиции русской грамматики и развивая теорию СД С. Агрелля, Э. Кошмидера и др., под способами глагольного действия понимают семантические разряды глаголов, которые можно выделить по общности типа протекания или совершения действия. Создатель теории СД русского глагола Ю. С. Маслов в своих работах неоднократно подчеркивал, что способы действия – „это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов¹⁸, что „определяющим формальным признаком способа действия являются не те или иные словообразовательные морфемы, а направление словообразовательной активности, синтаксическое употребление и тип взаимодействия с категорией вида¹⁹. Такая же интерпретация СД в работах А. В. Бондарко²⁰, М. А. Шелякина²¹, в Грамматике-70²².

Выделяя СД по общности семантического значения глаголов, исследователи указывают, что с точки зрения формального выражения СД неоднородны. Напр., приставочные СД представляют собой „словообразовательные классы²³, так как их значения выражаются при помощи приставок и суффиксов, т.е. они имеют „словообразовательную (морфемную) характеристику²⁴ (ср. начинательный СД – *заговорить, пойти*; прерывисто-смягчительный СД – *покашливать, постукивать*). Другие СД формальных показателей

¹⁶ См. отрывки из его работы в кн.: Вопросы глагольного вида, с. 36.

¹⁶ Критический обзор литературы по данному вопросу см.: Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. – В кн. Славянское языкознание. Ученый симпозиум при съезде славистов. М., 1963, с. 189–204; Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. – В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 6–11; Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. – Л. Изд-во ЛГУ, 1961, с. 10–15. Ср. также: Чернова В. В. К проблематике способов действия. Автореф. канд. дис. – Алма-Ата, 1967.

¹⁷ Мазон А. Вид в славянских языках (Принципы и проблемы). – М., 1958, с. 33.

¹⁸ Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов..., с. 71.

¹⁹ Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка..., с. 204; его же. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. – М.–Л., 1963, с. 6.

²⁰ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 11; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. – М., 1971, с. 5.

²¹ Шелякин М. А. АДД, с. 30–31.

²² Грамматика-70, с. 346.

²³ Шелякин М. А. АДД, с. 31. Ср. словообразовательные типы глаголов у Е. А. Земской, где термин СД не используется (Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. – В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955).

²⁴ Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка..., с. 204.

не имеют (ср. стательный СД — *сидеть, висеть*; многоактный СД — *бить, махать*). Поэтому прав А. В. Бондарко, указывая, что СД — это „семантические (отчасти словообразовательные) группировки глаголов“²⁵. Следовательно, СД можно считать семантико-словообразовательными рядами глаголов²⁶, основным критерием выделения которых является общность типа протекания действия.

При таком понимании система СД охватывает всю глагольную лексику²⁷. Некоторые же глаголы относятся „к двум или трем способам действия, так как способы действия не составляют единой системы с единым основанием деления“²⁸. Кроме того, отнесенность глагола к разным СД зависит от значения многозначного глагола (ср. глаголы типа *белеть, чернеть*: в значении „становиться каким-то“ они входят в инхоативный СД, а в значении „видеться“ — в стательный). С точки зрения формального выражения СД делятся на характеризованные, нехарактеризованные и непоследовательно характеризованные²⁹.

Представители другого направления придерживаются мнения, что СД — структурно-семантические группировки глаголов. Согласно данной теории, на различные СД делятся лишь производные глаголы, имеющие словообразовательные форманты и выражающие модификацию действия, названного простым глаголом.

Так, подчеркивая, что СД — это „добавочные значения, вносимые той или иной словообразовательной морфемой и показывающие, как совершается названное производящей основой действие“³⁰, Г. Г. Кухтенкова, по сути, отождествляет их со словообразовательными типами глаголов. К СД не относятся „те общие смысловые оттенки“, которые объединяют в отдельные группы стательные, инхоативные, многоактные и другие глаголы, так как они не получили „внешнего выражения“ и поэтому, в отличие от значений СД, „не являются частью смысловой структуры глаголов“³¹. Критикуя концепцию Ю. С. Маслова и других лингвистов, автор указывает, что многие глаголы — „все простые и значительная часть производных, а именно те из них, которые обозначают иное по сравнению с производящей основой действие... — стоят вне способов действия“ (разрядка наша. — Э. Г.). Однако вряд ли правомерно обстоятельство, что СД не охватывают всех глаголов, объяснять лишь тем, что СД „не достигли ступени абстрагирования, характерной для вида“³².

²⁵ Бондарко А. В., Буланн Л. Л. Указ. соч., с. 11.

²⁶ Термин „семантические классы“ (см. Яковлев В. Н. Многоактность как способ глагольного действия. — Филол. науки, 1975, № 3) не учитывает словообразовательный аспект СД.

²⁷ См. Кошмидер Э. Указ. соч., с. 108; Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка..., с. 204. Ср. возражения Н. С. Авилевой (указ. соч., с. 201–202).

²⁸ Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка..., с. 204.

²⁹ См.: Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии, с. 21; Бондарко А. В., Буланн Л. Л. Указ. соч., с. 13.

³⁰ Кухтенкова Г. Г. Способы действия и их влияние на вид глаголов. — В кн.: Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика). Челябинск, 1966, вып. 1, с. 11.

³¹ Там же, с. 12–13.

³² Там же, с. 14.

Такой же точки зрения придерживается Н. С. Авилова, считая ее „гораздо более плодотворной и соответствующей реальной языковой действительности“³³. По ее мнению, СД „выражают модификацию значения действия, названного простым глаголом, в направлении количественно-временных уточнений его протекания и специальных характеристик результативности, причем эта модификация обязательно формально выражена“³⁴ (рядка наша. — Э. Г.). Поэтому автором различаются, „с одной стороны, семантические типы простых глаголов; с другой стороны, их модификации при помощи определенных формальных средств, которые, меняя значение простых глаголов..., создают группы семантико-структурных „способов глагольного действия“³⁵. Следовательно, основным критерием выделения СД является обязательное наличие формальных средств выражения и соотносительность с простыми глаголами, которые остаются вне системы СД.

Однако за пределами упомянутой системы автором рассматриваются не только простые глаголы, которые согласно концепции Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и др. составляют нехарактеризованные СД. Из системы СД исключаются и некоторые группы производных глаголов. Это — глаголы типа *белеть*, *дичать*, *учительствовать*, суффиксы которых — „чисто словообразовательные средства образования глаголов от имени“³⁶; глаголы типа *обвинять* („быть обвинителем“), „не являющиеся соотносительными глаголами видовых пар с приставочными глаголами“³⁷ сов. вида, а также парные глаголы, относимые Ю. С. Масловым к общерезультативному способу действия³⁸, и некоторые др. Не имеют определенного места в системе СД и „семантических типов простых глаголов“, противопоставляемых им, глаголы, составляющие видовые пары; одни из них изучаются во второй главе, посвященной вопросу о видовых парах, другие — в связи с анализом СД. При этом подчеркивается, что в подтипах специально-результативного СД видовая корреляция „относительно регулярна“, в других способах — „абсолютно невозможна“ или „нерегулярна“³⁹.

Несмотря на всесторонний анализ двух групп простых глаголов несов. вида — „неактивных глаголов“ и „глаголов активного действия“, — трактовка отдельных „внутренних типов“ глаголов как „семантических типов“⁴⁰ представляется спорной. Прежде всего бросается в глаза неоднородность

³³ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 263–264.

³⁴ Там же, с. 266.

³⁵ Там же, с. 267, 314. Думается, что такое разграничение глаголов проводится под влиянием учения А. В. Исаченко. Как известно, учитывая неоднородность явлений, относимых к области СД, А. В. Исаченко в своей книге „Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким“ (Морфология. — Братислава, 1960, ч. 2) употреблял два термина — „совершенство“ и „характер действия“. „Совершенство“ имеют формальное выражение и характеризуются несоотносительностью производного глагола с глаголом другого вида. „Характер действия“ — общие семантические значения производных глаголов, которые формально не выражаются. Критический разбор этой точки зрения см.: Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка..., с. 203–206; см. также рецензию А. В. Бондарко на книгу А. В. Исаченко (ВЯ, 1962, № 5, с. 139–141).

³⁶ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 269.

³⁷ Там же, с. 61.

³⁸ Там же, с. 269; 300.

³⁹ Там же, с. 314; 300.

⁴⁰ Там же, с. 61.

этих типов. Среди них можно указать целый ряд „семантических типов“, которые обычно понимаются как лексико-семантические группы слов понятийного характера / ср. глаголы мышления, восприятия (органами чувств), конкретного действия, движения, звука и речи и т.п./⁴¹; группу „семантических типов“, совпадающих по интерпретации и наименованию с нехарактеризованными СД (ср. глаголы реляционные, состояния, неоднаправленного и однонаправленного действия и др.)⁴², и, наконец, „семантические типы“, выделенные по функциям глаголов в предложении (ср. связочные и полусвязочные глаголы, которые употребляются как часть составного сказуемого, а также отчасти модальные глаголы)⁴³, по обобщенному значению словообразовательных суффиксов (ср. глаголы со значением „быть занятым каким-либо делом, работой, развлечением“: *столярничать, сумерничать, учительствовать* и т.п.)⁴⁴ или представляющие собой синонимический ряд (ср. глаголы со значением „пробывать в молчании“: *молчать и безмолвствовать*)⁴⁵. Таким образом, „семантические типы“ – группы глаголов, относящихся к разным уровням языка. Поэтому вряд ли правомерно эти разнохарактерные группировки рассматривать в одной плоскости.

Аргументация понимания СД как „модификаций значения действия, названного простым глаголом“, тоже недостаточно убедительна. Прежде всего сомнение вызывает определение места СД в структуре глагола. Обязательность формального выражения отдельных СД, по мнению Н. С. Авиловой, „не переводит“ проблему СД „в план словообразования. Это – явление, стоящее на границе между словообразованием глагола, при котором изменяется его реальное значение, и его видообразованием, образованием видовой пары“⁴⁶. Думается, что понятие „модификация значения“, используемое в определении СД, тоже означает изменение реального значения глагола (ср. глаголы *запеть, пойти, входящие* в начальный СД, *стукнуть, крикнуть* – в одноактный СД, и соответствующие производные глаголы), т.е. в результате присоединения словообразовательного форманта глагол приобретает новый смысловой оттенок, значение определенного СД. Следовательно, если СД представляют собой модификацию значения простого глагола, то они не могут стоять „на границе между образованием глагола“ и его видообразованием, а, наоборот, теснейшим образом связаны с внутриглагольным образованием. Отдавая себе отчет в том, что в целом понятие „способ действия“ шире, чем понятие „словообразовательный тип“, мы не можем отрицать того факта, что некоторые СД выделяются на основе того или иного словообразовательного типа глаголов (ср. многократный СД, в который входят глаголы типа *говаривать*, взаимный СД, включающий в себя глаголы типа *переглядываться*, завершительный СД, объединяющий глаголы типа *доделать* и др.)⁴⁷.

⁴¹ Там же, с. 68, 85, 98, 107, 113.

⁴² Там же, с. 67, 80, 108, 110.

⁴³ Там же, с. 63.

⁴⁴ Там же, с. 100. Ср.: Грамматика-70, с. 238–241.

⁴⁵ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 70.

⁴⁶ Там же, с. 265.

⁴⁷ См. там же, с. 293–295, 299, 301.

Кроме того, анализ СД в рамках соотнесенности производного глагола с соответствующим простым глаголом суживает проблему СД вообще. Напр., глагол *хаживать* входит в многократный СД потому, что представляет собой модификацию значения глагола *ходить*; последний же, хотя и означает другую способ протекания действия, т.е. разнонаправленность действия, остается вне системы СД, так как это значение формально не выражено. С другой стороны, придерживаясь данной теории, из числа одноактных глаголов, видимо, должны будем исключить глаголы типа *ахнуть* („сильно ударить“), которые не имеют соответствующих многоактных (ср. *стучать* – *стукнуть*).

Поэтому более убедительной нам представляется точка зрения, согласно которой СД рассматриваются как лексико-грамматические разряды слов, выделяемые на основе семантической общности, т.е. более широкий взгляд на СД.

Лексико-грамматические разряды глаголов, а также других частей речи, как известно, обладают целым рядом признаков⁴⁸, учет которых позволяет делить все слова той или иной части речи на определенные группировки. При анализе способов глагольного действия наиболее важными и существенными, на наш взгляд, являются следующие признаки: 1) разряды „не должны обязательно характеризоваться“ определенными морфемными показателями (ср. собирательные имена существительные *студенчество*, *беднота*, *листва* и *хвоя*, *мебель*; многоактные глаголы *охать*, *куковать*, *мяукать* и *бить*, *махать*); 2) они взаимодействуют с определенными морфологическими категориями, определяя во многом „соотносительность или несоотносительность компонентов данной категории“ (напр., от разрядов имен существительных зависит соотносительность/несоотносительность по числу; от СД – по виду и т.п.). Такая интерпретация СД позволяет рассматривать все разновидности осуществления глагольного действия в рамках „равноценных“ семантических различий между глаголами, интерпретация которых не меняется в зависимости от того, являются они формально выраженными или формально невыраженными.

В области изучения СД литовского глагола (*veiksmo reiškimo būdai*) в настоящее время, как уже отмечалось, сделаны лишь первые шаги. Поэтому многие вопросы, связанные с проблемой СД, или не рассматривались вовсе, или не имеют единого решения. До сих пор недостаточно четко определен круг явлений, относимых к СД, что, разумеется, не способствует дальнейшему их исследованию.

Как и в русской аспектологии, СД литовского глагола выделяются в целом на основе семантической общности с учетом формальных (морфемных) показателей. Например, в академической грамматике литовского языка одни СД (или группы глаголов по способу протекания действия) – терминативный, нетерминативный, моментальный, резульативный, финитивный и начинательный – выделяются по характеру продолжительности действия, другие – итеративный и каузативный – по иным признакам действия⁴⁹. Указанная система СД охватывает всю глагольную лексику.

⁴⁸ См. Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды). – В кн.: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. М., 1973, с. 50–56.

⁴⁹ Lietuvių kalbos gramatika, t. 2, p. 11–12.

Как показывает перечень СД, выделенных в грамматике, под ними подразумеваются неоднородные разряды глаголов. Одни — терминативный и нетерминативный (в грамматике — дуративный) — представляют собой разряды оппозиционного характера и ничем не отличаются от выделяемых в русской аспектологии предельных и непредельных глаголов. Терминативные глаголы, по мнению авторов грамматики, выражают действие с предполагаемым исходом, пределом, действием, совершаемое с определенной целью, достижение которой является исходом действия; дуративные же глаголы этим признаком не характеризуются⁵⁰. Не случайно поэтому как терминативные, так и дуративные глаголы делятся на целый ряд подгрупп, одни из которых действительно являются СД (ср. статальные глаголы типа *gulėti* — лежать, *kušoti* — торчать; мутативные типа *blykšti* — бледнеть, *džiūti* — сохнуть)⁵¹, другие представляют собой различные лексико-семантические группы глаголов (ср. глаголы речи *kalbėti* — говорить, *pasakoti* — рассказывать; глаголы движения *eiti* — идти, *bėgti* — бежать и т.п.)⁵². Остальные группы глаголов, относимых к СД, или являются монологичными (ср. результирующие и каузативные глаголы)⁵³, или делятся на подгруппы по различным оттенкам общего значения, объединяющего данные глаголы в один СД (ср. ингрессивные и инитивные глаголы в начинательном СД; уменьшительно-кратные и интенсивно-кратные в итеративном СД и др.)⁵⁴. Все эти подгруппы и некоторые другие, безусловно, можно рассматривать как отдельные способы глагольного действия.

В одной плоскости с категорией предельности/непредельности СД рассматриваются и в работах А. Паулаускене. В зависимости от вида глагола она делит все СД на две группы — способы протекания действия (несов. вид) и способы совершения действия (сов. вид)⁵⁵. В систему СД несов. вида включаются некратные и кратные глаголы, а также предельные и непредельные под другим наименованием, т.е. глаголы направленного и ненаправленного действия. Глаголы сов. вида подразделяются на четыре, по словам автора, наиболее общих СД. Это — конец, начало, ограничение и мгновенность действия, которые определяются морфологическими показателями, не характерными для глаголов несов. вида. Позднее А. Паулаускене без всякой аргументации из системы СД несов. вида исключает некратные и кратные глаголы, оставляя здесь лишь глаголы направленного и ненаправленного действия⁵⁶. Отсюда вытекает, что, в отличие от академической грамматики, в книге А. Паулаускене все глаголы несов. вида остаются за пределами СД.

Такой подход к глаголам несов. вида не имеет реального основания. Дело в том, что многие глаголы несов. вида в литовском языке являются суффиксальными образованиями от соответствующих непроемных (ср. *vaikščioti* — *vaikštinėti* — ходить — хаживать, *sirgti* — *sirginėti* — *sirguliuoti* — болеть — побаливать, *šaukti* — *šūkauti* — кричать — кричать громко и часто и т.п.).

⁵⁰ Там же, с. 12, 15.

⁵¹ Там же, с. 13, 15.

⁵² Там же, с. 13.

⁵³ Там же, с. 22–23, 25.

⁵⁴ Там же, с. 23–24.

⁵⁵ Paulauskienė A. Dabartinės lietuvių kalbos veiksmažodis, p. 23–32.

⁵⁶ Morfologija, p. 131–133.

Следовательно, глаголы такого типа, как и приставочные глаголы сов. вида, должны входить в те или иные СД независимо от того, считаем ими лишь морфемно выраженные разновидности действия или относим к ним и морфемно невыраженные значения.

Таким образом, разработка СД в литовском языкознании, как видим, пошла не по линии более детального изучения многообразия значений глагола, т.е. не по линии выявления отдельных разновидностей действия, а по линии объединения в одно целое двух разнохарактерных лексико-грамматических разрядов глагола.

В заключение обзора различных точек зрения на СД следует отметить, что интерпретация их как лексико-грамматических разрядов особого типа, выделяемых в русском и литовском языках по общности характера протекания действия, в настоящее время наиболее убедительна. Следовательно, способы глагольного действия – это не только модификации значения отдельных конкретных непроеизводных (вернее, бесприставочных) глаголов путем присоединения приставок и суффиксов; это – разновидности действия в обобщенном смысле. Иначе говоря, под термином „способы действия“ понимаем все многообразие способов или типов протекания действия (или процесса) как категориального значения глагола. Характеризованные и нехарактеризованные СД, думается, следует рассматривать не столько в плане их формальных (морфемных) различий, сколько в плане их взаимодействия. Глаголы нехарактеризованных СД в обоих языках, как известно, в подавляющем большинстве случаев служат базой для образования тех или иных морфемно выраженных СД (ср. глагол стательного СД *сидеть* – *sėdėti* и мотивированные им глаголы других СД: *сизживать* – *sėdinėti* – многократный, *посидеть* – *pasėdėti* – ограничительный, *отсидеть* – *atsėdėti* – финитивный СД и т.п., а также отсутствие приставочного образования от этого глагола с начинательным значением типа *занять* – *uždainuoti*). Следовательно, взаимосвязь этих двух типов СД прежде всего обусловлена способностью (или неспособностью) глагола сочетаться со словообразовательными формантами определенного значения.

3. Способ действия и характер глагольного действия

Говоря о терминах и понятиях, относящихся к области способов глагольного действия, Ю. С. Маслов отметил, что для группы СД, не имеющих морфемной характеристики, „мог бы быть узаконен, если угодно, термин „характер (глагольного) действия“, используемый в этом смысле А. В. Исаченко, хотя, может быть, логически не совсем уместно, чтобы „характер“ оказался частным случаем или разновидностью „способа“. Указав на то, что второй термин А. В. Исаченко – „совершеншаемость“⁶⁷ – тоже „не подошел бы“ для группы СД, имеющих морфемную характеристику, Ю. С. Маслов делает совершенно правильный вывод: „Поэтому лучше говорить о морфемно выраженных и морфемно невыраженных способах действия (или характери-

⁶⁷ См. сноску 35 настоящей статьи.

зованных и нехарактеризованных, обозначенных и необозначенных способах действия)⁵⁸.

Однако, несмотря на эту рекомендацию Ю. С. Маслова, термин „характер действия“ продолжает употребляться теми лингвистами, по мнению которых, СД должны обязательно характеризоваться определенными морфемами. Более того, в аспектологической литературе последних лет данный термин получает неодинаковое смысловое наполнение.

Так, в упомянутой статье Г. Г. Кухтенковой характер действия — это те общие значения глагола (статальность, инхотативность, эволютивность и т.п.), которые, не получив „внешнего выражения“, отражают „природу, характер самих действий, названных глаголами“ и „не входят в семантику глаголов“, а также значение предельности/непредельности, которое по отношению к указанным значениям „оказывается просто более широким, более общим“⁵⁹.

На необходимость „уточнить семантическое свойство глаголов, характер семантики глагольного действия, позволяющий или не позволяющий глаголу создать видовую пару, и ограничить его от понятия способа глагольного действия как структурно-семантической группировки глагола, характеризующей, как именно протекает глагольное действие или какой этап его показан глаголом“⁶⁰, указывает и Н. С. Авилова. Несмотря на то, что разграничение этих двух понятий тоже проводится с учетом морфемно выраженных и морфемно невыраженных способов действия, „характер семантики глагольного действия“ по смысловому объему отличается от понимания „характера действия“ у Г. Г. Кухтенковой.

Разделив вслед за Фр. Данешом глаголы несов. вида на активные и неактивные, Н. С. Авилова пишет: „Активность (неактивность) характера семантики действия, выдвигаемая Данешом в качестве основания деления, а затем статичность и динамичность, далее процессуальность и „событийность“ этого характера играют существенную роль для характеристики предельности/непредельности, признаваемой в настоящее время решающим семантическим фактором, влияющим на возможность (невозможность) вступления глагола в видовое соотношение“⁶¹. Имея в виду то, что на основе этих компонентов семантики глагола автором выделяются четыре семантических типа глаголов⁶², которые в свою очередь разбиваются на целый ряд внутренних

⁵⁸ Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии, с. 71–72.

⁵⁹ Кухтенкова Г. Г. Указ. соч., с. 13–18. Ср.: „Глагол идти отличается от стоять лишь тем, что называет иное реальное действие, о том же, что это действие по природе своей иное — во время его „что-то происходит“ — субъект перемещается, — он не сообщает. В самих этих глаголах нет указания на статальность или эволютивность действий, поскольку данные значения не выражены каким-либо средством“. Или: „Названное глаголом бросить действие по своей природе однократно, но не представлено таким. Глаголы же махнуть, колынуть именно представляют, изображают действие однократным“ (с. 13), т.е. это значение морфемно выражено.

⁶⁰ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 60, 62.

⁶¹ Там же, с. 14. При этом указывается, что предельность/непредельность является „чертой характера семантики глаголов активного и неактивного действия“ (с. 314) или чертой „характера глагольного действия“ (с. 316).

⁶² Это: 1) „неактивные статические и динамические глаголы, не стремящиеся к каким-либо изменениям“; 2) „неактивные динамические глаголы со значением „становления или

типов (о чем было сказано), можно предполагать, что понятие „характер семантики глагольного действия“ — довольно широкое, включающее в себя все многообразие значений и оттенков действия, свойственных глаголам невосп. вида.

Кроме того, понятие „характер действия“ в указанных работах непосредственно связано с решением вопроса об отношении глаголов (или способов действия) к категории вида. Подвергая критике точку зрения Ю. С. Маслова, согласно которой категория предельности/непредельности является „высшей абстракцией в области способов действия“ и играет наиболее существенную роль „в процессе взаимодействия между способами действия и глагольным видом“⁶³, Г. Г. Кухтенкова, например, указывает, что предельность/непредельность является таким „решающим фактором“ лишь для тех глаголов, которые „только называют действие, не показывая, как оно совершается“. Отметив, что предельность/непредельность как характер самого действия „нельзя распространить“ на значения начинательности, детерминативности и т.п., „отражающие представление о способе совершения действия“, автор вводит еще один термин — „характер способа действия“⁶⁴ и делает вывод, что отношение глаголов к категории вида „определяется особенностями лексического значения их, связанными: 1) с характером самого действия, названного глаголом, — направленности или ненаправленности его к внутреннему пределу . . . ; 2) с характером способа действия“, причем подчеркивает, что „видообразовательная способность глаголов со значением определенного способа действия определяется совместимостью значения данного способа действия с грамматическими значениями совершенности — несовершенности“⁶⁵.

К подобному выводу приходит Н. С. Авилова. Так, автор подчеркивает: „Понимая предельность/непредельность действия как черту характера семантики глаголов активного и неактивного действия, мы считаем, что именно семантика, а уже, лексическое значение глагола, но не способ глагольного действия, влияет на способность глагола к вступлению в видовую оппозицию. Другой решающей чертой, влияющей на эту способность глагола, оказывается структурная, словообразовательная возможность данного глагола к конструированию видовой пары“⁶⁶.

Как видим, все недоразумения и споры вокруг вопроса о взаимодействии СД с категорией вида в основном возникают потому, что лингвисты неодинаково понимают те общие значения глаголов, которые не имеют морфемного выражения. В интерпретации Ю. С. Маслова и др. — это нехарактеризованные СД, а предельность/непредельность — „высшая абстракция в области способов действия“. Поэтому, когда речь идет о взаимодействии способов действия с категорией вида, имеются в виду все глаголы. По мнению же

изменения состояния субъекта“; 3) „активные „процессуальные“ глаголы, действие которых замкнуто в сфере субъекта“ и 4) „активные „событийные“ глаголы, действие которых направлено на объект“. (Там же, с. 17.)

⁶³ Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида . . . , с. 7; его же. Заметки о видовой дефективности . . . , с. 91 — 92.

⁶⁴ Кухтенкова Г. Г. Указ. соч., с. 16 — 18.

⁶⁵ Там же, с. 19.

⁶⁶ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 314. Критический разбор упомянутой точки зрения Ю. С. Маслова и других лингвистов см. в первой главе книги.

Н. С. Авиловой и Г. Г. Кухтенковой, эти морфемно невыраженные значения, как и предельность/непредельность, входят в понятие „характер действия“ и противопоставляются способам действия. Однако, несмотря на то, что все значения, относимые к СД, здесь разбиваются на „способы действия“ и „характеры действия“, при решении вопроса об отношении глаголов к категории вида авторы приходят к тому же выводу, что и Ю. С. Маслов⁶⁷: наличие СД, которые свободно выступают в обоих видах, и СД, которые представлены только в одном виде, объясняется как предельностью/непредельностью глаголов, так и совместностью или несовместностью значения соответствующих СД с грамматическими значениями видов.

Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что при разграничении понятий „способ действия“ и „характер действия“ морфемные показатели иногда не учитываются. Например, по мнению Т. И. Дешериевой, различие между ними „прежде всего в плане содержания языка“⁶⁸. Не объяснив своего утверждения, автор далее указывает, что этими терминами называются „неотъемлемые свойства глагольной семантики, определяющие разновидности осуществления действия. При этом... „характер действия“ реализуется в конкретных глагольных лексемах посредством „способов действия“. Таким образом, объем понятия „характер действия“ включает в себя объемы понятий подчиненных ему „способов действия“⁶⁹ (везде разрядка наша. — Э.Г.).

Приведенное рассуждение автора, как видим, в большей мере подчеркивает общность, нежели различие между этими явлениями: и СД, и характеры действия определяют „разновидности осуществления действия“. Различие, видимо, можно усмотреть лишь в смысловом объеме самих понятий: „характер действия“ в смысловом отношении шире („включает в себя“ ряд СД), чем „способ действия“. Однако это — дело терминологии, договоренности, а не реальный факт языка.

В отличие от точки зрения Г. Г. Кухтенковой и Н. С. Авиловой, указанные понятия не разграничены и в плане выражения. По мнению Т. И. Дешериевой, языковые средства „выражения этих понятий не ограничиваются сферой морфологии. Они могут быть синтаксическими, лексическими, контекстуальными“⁷⁰ (разрядка наша. — Э.Г.). Однако при сравнении характеров действия и СД, выделенных автором (ср. такие характеры действия, как „ограниченность действия во времени“, напр., *загрустить*, *отлучиться*, *проспать*; „неограниченность действия во времени“, напр., *жить*, *строить*, и способы действия, как „ограничительный“, напр., *покурить*, *поохать*; „процессный с оттенком статальности“, напр., *весить*, *стоять*, *иметь* и т.п.⁷¹), можно убедиться, что и те и другие либо выражаются при помощи морфологических средств, либо формального выражения не имеют.

⁶⁷ См. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида. ., с. 7; его же. Заметки о видовой дефективности... с. 91–92; его же. Вопросы глагольного вида в современном русском языкознании, с. 12.

⁶⁸ Дешериева Т. И. К проблеме определения категории вида. — ВЯ, 1976, № 1, с. 75.

⁶⁹ Там же, с. 74.

⁷⁰ Там же, с. 74. Кроме того, данное утверждение наводит на мысль, что СД и характеры действия в целом рассматриваются как функционально-семантическая категория.

⁷¹ Там же, с. 74–75.

Возможно, такая интерпретация способов и характеров действия является правомерной для записи „семантического поля“ глагольного вида в логических формулах (ведь автор отказывается от терминов предельности/непредельности потому, что они „не имеют почти ничего общего с явлениями того же наименования в математике и потому лишь способствуют заблуждениям и двусмысленности“⁷²). С точки же зрения изучения отдельных разновидностей протекания глагольного действия данная попытка разграничить эти „неотъемлемые свойства глагольной семантики“ не имеет реального основания: и СД, и характеры действия в понимании автора представляют собой не что иное, как различные СД, выделяемые лингвистами под другим наименованием.

С другой стороны, имея в виду то обстоятельство, что понятие „характер действия“ обладает более широким смысловым объемом, чем понятие „способ действия“, семь характеров действия, выделенных Т. И. Дешериевой⁷³, видимо, можно рассматривать как более общие значения отдельных групп определенных СД, объединенных на семантической основе⁷⁴ без учета формальных показателей. Однако, судя по приведенным примерам, характеры действия выделяются автором преимущественно на основе глаголов несов. вида. Следовательно, многие СД (их выделено 24) окажутся за пределами характеров действия, что в свою очередь ставит под сомнение идею реализации характеров действия „через посредство способов действия“

Таким образом, понятие „характер действия“ как термин до сих пор не имеет определенного содержания. Это объясняется тем, что круг явлений, называемых „характером действия“, в самом языке отчетливо и строго не очерчен. Думается, что и характер, и СД — это определенное свойство семантики глагола, отражающее именно тип протекания, осуществления действия. При желании сохранить оба термина, видимо, следовало бы „характер действия“ понимать как самую общую, самую отвлеченную черту семантики глагольного действия, на основе которой, напр., глаголы делятся на бинарные лексико-грамматические разряды. Так, разряд переходных глаголов выделяется потому, что по характеру выражаемого ими действия при них должен быть объект; по характеру же действия других глаголов — он не предполагается. Характер действия, понимаемый таким образом, лежит в основе деления всех глаголов на сов. и несов. виды. Так как к действию подходим с самых разных точек зрения, содержание „характера действия“ каждый раз может меняться (напр., в первом случае учитывается переходность/непереходность действия, во втором — ограниченность/неограниченность действия пределом).

СД в таком случае является понятием с более конкретным содержанием. Как уже было отмечено, на основе общности типа (или характера) протека-

⁷² Там же, с. 75.

⁷³ Ср.: 1) непрерывность, не осложненная многофазностью (*видеть, слышать*); 2) многофазность (*зевать, прыгать*); 3) прерывность действия, обусловленная внешними факторами (*натаскивать, подкармливать*); 4) определенная направленность действия (*лететь, стремиться*); 5) отсутствие определенной направленности действия (*лепать, разбрасываться*); 6) ограниченность действия во времени (*загрустить, отлучиться, проспать*); 7) неограниченность действия во времени (*жить, строить*). Там же, с. 74.

⁷⁴ Ср., напр., три группы СД — временные, количественные, специально-результативные — у глаголов сов. вида. (Авилова Н. С. Указ. соч., с. 272).

ния действия все глаголы делятся на большое количество семантико-слово-образовательных группировок, отличающихся друг от друга именно по способу осуществления действия.

Из сказанного вытекает, что все указанные разряды глаголов русского и литовского языков, выделяемые в целом на семантической основе, т.е. именно по характеру действия, отличаясь друг от друга степенью языковой абстрактности, взаимодействуют между собою, но не покрывают друг друга. Взаимодействие этих разрядов (а также ЛСГ) можно проследить при изучении отдельных способов глагольного действия. Анализ же СД, в свою очередь, служит основой для исследования отношения глаголов к грамматической категории вида.

ON AKTIONSPORT IN RUSSIAN AND LITHUANIAN

E. GALNAITYTĖ

Summary

Despite the fact that the problem of Aktionsart has been subjected to a thorough analysis the principles underlying the whole system are still open to question.

Aktionsarten are either differentiated on the basis of the semantics of verbs, taking into account their morphological characteristics as well, or they are considered to be structural-semantic groups of verbs distinguished by their morphemic features. More often than not (in Lithuanian aspectology in particular) Aktionsarten are confused with other semantic groups, e. g. terminative—non-terminative verbs.

Summing up the observations concerning the nature of Aktionsart the author arrives at the conclusion that the interpretation of Aktionsart in terms of the semantics of verbs is more convincing.